

А. В. Сытько¹, Н. Н. Лукашевич²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Республика Беларусь)

²преподаватель-стажёр кафедры немецкого языка и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ «ОБЕЩАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема речевых актов исследуется в современной лингвистике с неослабевающим интересом, в первую очередь потому, что в основе своей является проблемой межличностного общения. В этом общении основной упор делается на речевую деятельность коммуникантов, их социальный статус, ситуации, в которых протекает общение, цели, преследуемые коммуникатами, и еще очень многие факторы, влияющие на успешность или неуспешность коммуникации. В работах Дж. Остина (Austin, 1962), Дж. Серля (Searle, 1968) процесс человеческого общения стал основным предметом исследования с позиции теории речевых актов, у которой нашлись многочисленные последователи и продолжатели. Речевая деятельность является объектом изучения функциональной прагмалингвистики в отличие от речевого поведения, являющегося предметом изучения скрытой прагмалингвистики. В центре внимания обеих дисциплин находится речевой акт как условие реализации речевой деятельности.

Речевой акт понимается в лингвистике как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, т. е. единица

нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Речевой акт является многомерным так как имеет внутреннюю и внешнюю структуру. Внешние характеристики речевого акта – это отправитель текста, получатель текста, сам текст, код, канал связи и контекст. Среди речевых актов выделяются следующие: репрезентативы, директивы, экспрессивы, декларации, комиссивы [1, с. 180]. Именно последним посвящена данная статья.

Комиссивы – это акты обязательства, к которым относятся *гарантии, заверения, клятвы, согласия, подтверждения, поручительства, участие* и т. п. Основными семантическими критериями отнесения иллокутивного типа к классу комиссивов являются: а) сема направленности действия на будущее время; б) сема говорящего как единственного агента будущего действия; в) сема взятия говорящим на себя обязательства [2, с. 5]. Речевые акты обещания, или промиссивы, представляют собой класс речевых актов, иллокутивной целью которых является принятие адресантом

искреннего обязательства совершить или не совершать определенное действие в интересах адресата, в его пользу. Промиссив является, таким образом, разновидностью комиссивов.

Целью данной статьи является выявление прагматических, семантических, синтаксических и просодических особенностей немецких промиссивов. Материалом послужили 250 диалогических контекстов с интенцией обещания, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений немецких писателей. Для выявления просодических характеристик речевого акта обещания были использованы 20 фраз, которые были записаны на цифровой носитель 3 носителями немецкого языка; в результате записи было получено 60 реализаций, которые подверглись дальнейшему анализу просодических средств, участвующих в выражении речевых актов обещания.

Речевой акт обещание представляет собой принятие адресантом искреннего обязательства, поэтому во всех случаях контекст содержит формулу, состоящую из местоимения в первом лице *ich* (68%), что способствует экспликации соответствующей интенции, напр.: «*Zum Nachmittagsunterricht bin **ich** wieder da*», *verspreche ich* [3, с. 124]. В 24% случаев говорящий снимает ответственность непосредственно с себя, прибегая к тактике генерализации, и использует местоимение *wir*, напр.: «***Wir** geben unser Bestes*», *antwortet Boggs* [3, с. 51]. Перформативная формула с глаголом класса промиссивов отмечается 5,6%, при этом он занимает всегда инициальную позицию.

Речевой акт обещания имеет три типичных и три нетипичных реализации. К типичным отнесем направленность на «своего равного», «своего вышестоящего» и «чужого вышестоящего»,

отмечая сущностное различие между первыми двумя и последним случаем: если тематика первых находится в личной области, то второго – в общественно-правовой, если первые преследуют цель эмоциональной поддержки со стороны адресата, иногда вкупе с действенным вмешательством, то второй – только цель действенного вмешательства, если первые позволяют выстраивать высказывание по законам разговорного стиля с эмоциональными вкраплениями, то второй требует официально-делового стиля, если первые характеризуются напряженным эмоциональным состоянием говорящего, то второй чаще всего – ненапряженным. Кроме того, РА обещание может иметь три нетипичных интенциональных направленности – к «своему нижестоящему», «чужому равному» и «чужому нижестоящему» – но при этом обязательно наблюдается переход адресата из одного социально-психологического ранга в другой и временное или постоянное изменение межличностных отношений коммуникантов. В нашем материале наиболее частотна направленность на «своего равного» (92%), поскольку в обиходном дискурсе в основном участвуют коммуниканты одного ранга и из одного круга, напр.: «***Du wirst nach Hause kommen. Ich***

verspreche es», sagt er und beugt sich vor, um mich zu küssen [4, с. 157], направленность же на «чужого равного» отмечена лишь спорадически (0,8%), напр., «Wo sind die Schlittschuhe?» fragte Hagedorn. «Hören Sie auf! » bat Schulze. «Erinnern Sie mich nicht an meinen Hinterkopf! Ich hatte völlig vergessen, wie hart so eine Eisbahn sein kann. Als Schlittschuhläufer werde ich nicht mehr auftreten.» «Und Sie hatten sich so darauf gefreut», sagte Hagedorn mitleidig. «Das ist nicht weiter schlimm», erklärte Schulze. «Ich hatte mich vorübergehend in meinem Alter geirrt.» Er lächelte freundlich [5, с. 88]. Остальные виды направленностей отмечены крайне редко: направленность на «своего нижестоящего» в 3,2%: «Aber solange ich etwas zu sagen habe, wird das nicht passieren, Soldat Everdeen. Ich habe ein langes Leben für dich geplant» [3, с. 138]; направленность на «своего вышестоящего» в 1,6%: «Morgen früh beginnt die erste Trainingseinheit. Beim Frühstück werde ich euch genau erklären, wie ihr sie angehen sollt», sagt Haymitch zu Peeta und mir. «Und jetzt geht schlafen, während sich die Erwachsenen unterhalten» [4, с. 42], направленность на «чужого вышестоящего» – 2,4% «Bei der Tour der Sieger wird es so sein wie immer. Ich werde genauso in ihn verliebt sein wie vorher», sage ich. «Wie jetzt», verbessert Präsident Snow mich [6, с. 13].

Интенции «обещание» могут быть реализованы различными речевыми средствами как по степени эксплицитности, т.е. с точки зрения интенциональной силы, так и по степени распространенности. В результате этого можно выделить различные прагматические микрополя обещания: обещание-гарантия (заверение, ручательство), обещание-зарок, обещание-клятва, обещание-прогноз, обещание-обязательство, которые характеризуются как “минимальные интенционально-прагматические объединения с единством формы и содержания” [7, с. 26]. При этом важно отметить, что тип микрополя определяется не семантикой соответствующего иллюкутивного глагола, а коммуникативной ситуацией.

Наиболее частотным в выборке оказалось микрополе гарантия или заверение, составившее 43,2 % (см. таблицу).

Микрополя РА обещания	Относительное количество (%)
Обещание-клятва	3,6%
Обещание-зарок	7,2%
Обещание-обязательство	22,8%
Обещание-прогноз	23,2%
Обещание-гарантия	43,2%

Высокая частотность заверений объясняется экстралингвистическими характеристиками обиходной речи, обуславливающими формирование обиходного стиля: конкретно- предметный способ мышления и конкретный характер содержания, в состав которого, наряду с содержательной информацией, входит эмоциональная, субъектно-оценочная и модально-информативная информация. Кроме того, общаясь друг с другом каждый день, мы время от времени стараемся навязать собеседнику нашу точку зрения на ту или иную проблему, способы ее решения, свое отношение к какому-либо вопросу или человеку. Так, микрополе обещание- гарантия можно охарактеризовать как обнадёживающее уверение, при котором создаётся уверенность в осуществлении, исполнении чего-либо. Оно создаёт уверенность в осуществлении, исполнении чего-либо, заверение, внушить убеждение своим сообщением [8], напр.: «*Wir werden sie nicht aufwecken*», sagte sie. «*Wir werden ganz, ganz, ganz leise sein. Ich verspreche es Ihnen*» [5, с. 49].

Частотность обещаний-прогнозов обусловлена тем, что в бытовом общении человек как правило обобщает опыт познания окружающего мира с позиции своего частного опыта. Это речевой акт, при котором предвидится развитие и исход каких-либо событий, явлений на основании имеющихся данных [8], напр.: «*Aber keine Sorge*», sagt Venia. «*Wenn Cinna erst mit dir fertig ist, wirst du absolut hinreißend aussehen!*» [4, с. 33].

Обещание-обязательство – это собственно обещание, которое предусматривает безусловное выполнение действия [8], напр.: «*Natürlich. Und ich werde dafür sorgen, dass er von den Spielen erfährt.*» – «*Danke*», sage ich [3, с. 195]. Таким образом, обещания данного типа являются воздействующими, или суггестивными, поскольку они сопровождаются интенцией: воздействовать на психику, чувства, волю и разум человека и снизить степень сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации.

Наименее частотными в диалогической речи оказались зарок и клятва, что объясняется их семантикой. Обещание-зарок – это негативный речевой акт с обещанием не делать чего-либо [8], напр.: «*Ich werde euch doch nicht im Stich lassen. Außerdem bin ich viel zu neugierig, was ihr jetzt machen werdet*» [9, с. 230]. Обещание-клятва (бытовая) – это торжественное уверение в чём-либо, подкреплённое упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает [5], напр.: «*Ich schwöre euch, bei der Liebe zu meiner Heimat, dass ich nicht eher in den Schoß meiner Familie und unter das Dach meines Hauses zurückkehren werde, bis ich auch den letzten Feind von unserem Heimatboden vertrieben habe...*» [9, с. 133]. Их материальность имеет разный срок длительности: «исчезая» вместе с произнесением, бытовая клятва и бытовой зарок начинают существовать в необязательном режиме памяти. Зарок и клятва имеют большую экспрессивную стилистическую окрашенность, напр.: «*Ich schieße bis an mein Lebensende keine Ente mehr und kein Reh mehr und überhaupt nichts mehr!*» [10, с. 14]. Обещание-клятва отличается от других микрополей силой, с которой эта иллокутивная цель подаётся, напр.: «*Du musst gewinnen*», sagt sie. «*Das werde ich. Für uns beide werde ich jetzt gewinnen*»,

verspreche ich [4, с. 125].

Речевые акты обещания всех микрополей реализуются следующими лексико-грамматическими средствами: перформативными глаголами (*versprechen* „обещать“, *versichern* „уверять“), временными наречиями (*jetzt* „сейчас“, *morgen* „завтра“, *bald* „скоро“, *heute* „сегодня“, *wieder* „снова“, *rechtzeitig* „своевременно“), модальными словами (*bestimmt* „определённо“, *natürlich* „конечно“, *selbstverständlich* „само собой разумеется, конечно“). Также используются будущее и настоящее времена, устойчивые выражения, но в каждом микрополе они отмечены различной частотностью. Отмечаются также языковые средства, типичные для определённого микрополя речевого акта обещания.

Наиболее частотные обещания – гарантия и обязательство – передаются нейтральной повествовательной конструкцией, поскольку в них анонсируется факт принятия обязательства. Например, «*Mir geht's gut*», *sage ich. Aber die Wahrheit ist, dass ich erschöpft bin. «Schlaf du jetzt. Ich halte Wache»* [3, с. 141]. В микрополе “обещание-гарантия” самыми частотными средствами являются модальные слова, передающие высокую степень уверенности, которые отмечаются в 1/5 выборки данных микрополей. Не менее частотны темпоральные наречия, указывающие на короткий промежуток времени выполнения чего-либо (*bald* „скоро“, *gleich* „сейчас“, *heute* „сегодня“), которые указывают слушающему на то, что говорящий выполнит обещание в самом ближайшем будущем. Перформативный глагол *versprechen* „обещать“ встречается не так часто, лишь в 7,4 % (как в прямой речи, так и в словах автора). Перформативный глагол *versichern* „уверять“, однако, отмечен лишь спорадически (1,9%). В контекстах, которые относятся к данному микрополю, в более половине случаев (56,5%) отмечено будущее время. Футуральный презенс встречается в 40%, поскольку передает меньшую степень уверенности, напр.: «*Was werden wir denn jetzt nur machen?*», *frage ich sie beim Weinen. «Du wirst hier bei mir bleiben*», *entgegnete sie, «und ich werde mich um dich kümmern»* [11, с. 5].

В микрополе „обещание-обязательство“ почти в 1/5 выборки (17,5 %) зафиксирован перформативный глагол *versprechen* „обещать“. Характерным (17,5%) для данного микрополя являются также модальные слова *natürlich* „конечно“, *bestimmt* „определённо“. Наречия времени *morgen* „завтра“, *sofort* „немедленно“, *rechtzeitig* „своевременно“, отмечены в 19,3% контекстов. Они дают адресату понять, что говорящий выполнит данное им обязательство в ближайшем будущем, сразу же, без промедления и без задержки. В контекстах данного микрополя преобладает будущее время в 52,6%, а настоящее время отмечается несколько реже, в 47,4%. «*Du musst essen. Damit du zu Kräften kommst. Ich werde dir eine Suppe machen*», *sage ich. Mach kein Feuer*», *erwidert er. «Das ist es nicht wert». – «Wir werden sehen*», *sage ich* [3, с. 142].

Обещание-прогноз соприкасается с семантикой неуверенности или предположения. В данном микрополе частотны сложноподчиненные

структуры с придаточными времени (22,4%), напр.: «*Keine Sorge. Wenn sie mit mir fertig sind, wirst du mich nicht wiedererkennen*», *sage ich. «Gut», sagt er* [6, с. 6] и придаточными условия (39,7%), напр.: «*Ich werde bestimmt nur kommen, wenn niemand auf dem Korridor ist*» – *versprach er* [5, с. 16], поскольку в данном случае реализация обещания не может быть стопроцентной, а вероятность его исполнения ограничена условиями. В 1/3 контекстов с семантикой обещания-прогноза отмечены темпоральные наречия *wieder* „снова“, *morgen* „завтра“ только в составе придаточных условия. Данные наречия указывают на время выполнения обещания, но при этом его реализация возможна только при исполнении или наличии определённого условия, напр.: «*Die Klassen sind zu groß, das wisst ihr doch auch. Siebenunddreißig! Es wird euch viel besser gehen, wenn ihr weniger seid. Also, überlegt es euch und redet mal darüber. Morgen machen wir eine Diskussionsstunde, falls es Schwierigkeiten gibt*» [12, с. 140]. Перформативные глаголы и модальные слова встречаются спорадически (3,5%). Настоящее время со значением футуральности отмечено здесь в 55,17%. При этом в контекстах, относящихся к данному микрополю, присутствует указание о запланированном действии (напр., *zum Abendessen* „к ужину“, *morgen* „завтра“). Будущее время используется в 43,10%, напр.: «*Laß gut sein, Artusch. Wir werden von jetzt ab gute Freunde sein. Ich hab's mir schon lange gewünscht*» [9, с. 259].

Зарок и клятва отмечаются в обиходно-бытовой речи нечастотно, в нашем материале они встречаются лишь в 7,2% и 3,6% соответственно. Их языковое оформление обусловлено соотношением стандартного и личностного компонентов клятвы и зарок. Личностная оценка возникает в процессе произнесения и создается стандартными языковыми средствами, такими, как лексико-синтаксические интенсификаторы воздействия (убеждения) и перформативная формула.

Так, в контекстах микрополя “обещание-зарок” отмечаются такие наречия времени, как *nie* „никогда“, *niemals* „никогда“ (33%) напр.: «*Nie wieder werd ich mich baden*», *schwor ich* [11, с. 13]. Обещание-зарок характеризуется высокой степенью эмоциональности и категоричности. Именно поэтому используются отрицания, которые помогают усилить воздействие на адресата, акцентируя его внимание на качественном или временном факторе и на процессе выполнения обещания (т.е того, что говорящий решительно обещает не выполнять). В некоторых контекстах различные формы отрицания для усиления дублируют друг друга: «*Das werd ich nie und nimmer erlauben*» [3, с. 89]. С отрицанием в 17% используются наречие *mehr* „уже не, больше не, более не“ (в 39%) и частица *doch* „ведь, же, уж“. Ее довольно частотное использование обусловлено стремлением говорящего убедить собеседника в чём-либо, частица *doch* при этом выполняет усилительную функцию, т. е. говорящий пытается увеличить свое воздействие на слушающего, напр.: «*Ich kann es ja lassen*», *sagte er, «ich werde euch nichts mehr erzählen, wenn ihr mir doch nicht traut...»* [9, с. 59]; «*Wir*

werden hier doch nicht bis zum Abend sitzen», rief er schließlich und sprang vor [9, с. 245]. Перформативные глаголы отмечены лишь в 5,6 %. В контекстах, относящихся к микрополю «обещание-зарок», указание на время используется редко, поэтому футуральный презенс не типичен для данного микрополя. Будущее время встречается в нём более чем в 3 раза чаще, чем настоящее (22%).

Обещание-клятва (бытовая клятва) сопровождается изредка – в 0,1 выборки, указанием на моментальное выполнение при помощи темпорального наречия *jetzt* „теперь“, напр.: «*Du musst gewinnen», sagt sie. – «Das werde ich. Für uns beide werde ich jetzt gewinnen», verspreche ich* [3, с. 125]. В микрополе “обещание-клятва” в 1/3 случаев отмечается глагол *schwören* „клясться“, напр.: «*Ich schwöre es. Bei meinem Leben*» [3, с. 134], спорадически используется и перформативный глагол *versprechen* „обещать“.

В контекстах данного микрополя зафиксированы существительные с концептами *Leben* „жизнь“, *Familie* „семья“, *Kinder* „дети“, *Heimat* „родина“, напр.: «*Ach, ihr meine Guten! Mein Leben geb' ich her für eure Liedchen, für eure süßen goldenen Waben!*» [9, с. 110]. Нужно также отметить, что с точки зрения синтаксической структуры большинство контекстов в данном микрополе являются простыми (78%). Настоящее и будущее времена отмечены в 44%. Устойчивые выражения (11%) не типичны для предложений микрополя “обещание – клятва”, напр.: «*Mein großes Ehrenwort*», *sagte Emil* [13, с. 26].

Несмотря на достаточно четкое выделение языковых средств, участвующих в оформлении различных микрополей обещания, соотнесение носителями языка письменных контекстов с определенными микрополями сопряжено с некоторой сложностью. Так, испытуемым, 5 носителям немецкого языка, было предложено соотнести письменные фразы с одним из предложенных интенциональных типов обещания, а именно, с собственно обещанием, клятвой, прогнозом, заверением и обязательством. Кроме того, информантов попросили указать маркер, на который они ориентировались в письменном тексте при отнесении фраз к соответствующему интенциональному типу. Эксперимент показал, что речевой акт обещание (без уточнения интенции) в изъятom из контекста высказывании определяется лишь в 3/4 случаев.

Наиболее четко идентифицируется, почти в половине случаев, обещание-заверение/гарантия. Вероятно, потому, что данная сема входит в иллюкутивную цель всех промиссивов – принятие говорящим искреннего обязательства совершать или не совершать определенное действие в интересах адресата, в его пользу. Обещание-гарантия имеет место тогда, когда говорящий несёт ответственность за выполнение действия самостоятельно. Именно этот аспект очень сложно определить в отсутствии широкого контекста или речевой ситуации. Информанты отмечали, что при опознании данной интенции они ориентировались либо на будущее время в

предложении, либо на наличие модального слова *bestimmt* „определённо“.

Обещание-клятва, идентифицированное почти в 1/5 случаев, определялась информантами стилистическим наполнением текста («*Wenn seine Schädeldedecke eines Tages zu dünn werden sollte, häkle ich ihm eine neue*») [14, с. 238].

Наименее четко, лишь в 12%, идентифицируется интенциональный смысл – обязательство, что, очевидно, связано со схожестью семантик данных понятий. Обещание-прогноз опознаётся информантами почти в 20%, так в предложениях присутствует указание на развитие или исход событий. В основном будущее время и союз *wenn* „когда, если“ помогают идентифицировать контексты как обещание-прогноз.

Логично предположить, что исследуемые промиссивные микрополя отличаются не только внутренней структурой, лексико-грамматическими средствами, но и просодическим оформлением. Поэтому для описания их просодической организации и был проведён фонетический эксперимент. В качестве экспериментального материала для проведения фонетического анализа были отобраны 20 фраз, изъятых из диалогов, относящихся к стилю обиходно-бытовой речи немецкого языка и уже соотнесенных с исследуемыми ситуациями интенции обещания, а именно с 5 микрополями: гарантия, зарок, клятва, прогноз и обязательство. Для каждого из микрополей была использована фраза с одинаковым вербальным наполнением, но погруженная в разные речевые ситуации, из которых выводился ее интенциональный смысл. Экспериментальные контексты были записаны на цифровой носитель 3 испытуемыми. В роли испытуемых выступили носители языка, постоянно проживающие на территории Германии. Экспериментальные диалоги при записи были предоставлены испытуемым в случайном порядке. После предварительного ознакомления с микротекстами испытуемым было предложено естественно прочесть их перед микрофоном. Полученные реализации экспериментальных диалогов составили эмпирическую базу для анализа просодических средств, участвующих в выражении речевых актов обещания. Данный материал был подвергнут аудитивному анализу, задачами которого стало: определение воспринимаемых просодических характеристик экспериментальных фраз: определение ритмической организации фраз (распределение фразовых ударений), характеристик интенсивности звучания, темпоральных и мелодических особенностей (характер движения мелодии на главноударном слоге), отличающих интенциональные смыслы обещания. Количество предъятий материала при этом не ограничивалось.

Так, анализ показал, что фразы всех прагматических типов обещания звучат некатегорично. На просодическом уровне это проявляется в терминальной реализации фраз с обещанием, но с неполным достижением тоном нижней границы шкалы. Особенно четко это воспринимается в микрополе обещание- прогноз, что, очевидно, связано с тем, что в

семантику данной интенции входит модальный компонент – предположение. С другой стороны, мелодическое завершение обещания-зарока имеет усиленное терминальное направление для того, чтобы контрастивно выделить то, что говорящий обещает не выполнять.

Движение мелодии на главноударном слоге имеет во всех микрополях сложную восходяще-нисходящую конфигурацию. В данных фразах воспринимается большая скорость подъема и падения мелодики. Однако во фразах с обещанием-зароком конфигурация тональных изменений на ядерном слоге, как правило, крутая. При этом в обещаниях-гарантиях и обязательствах, которые достаточно близки по интенциональному наполнению, отмечается достаточно плавное изменение тона. Неожиданным явилось то, что при реализации обещания-клятвы изменения на главноударном слоге носят ровный характер.

Восприятие длительности и корреляция данного перцептивного параметра с акустическими (темпоральными) характеристиками главноударного слога выявило различия в оформлении различных типов обещания. Так, обещание-прогноз характеризуется наибольшей длительностью ядерного слога среди всех микрополей. Наименьшей длительностью характеризуется обещание-гарантия, что, видимо, связано с внутренней структурой данных интенций.

Средняя длительность произнесения фраз в различных микрополях обещания существенно не отличается. Так, фразы из микрополей обещание-гарантия, обещание-зарок произносятся в среднем со скоростью 6,4 и 6,5 сл./сек, прогноз реализуется с чуть меньшим темпом – 6,25 сл./сек, а клятва и обязательство с еще меньшим – 6,08 и 6,05. При этом лишь фразы с интенцией обещания-обязательства характеризуются несколько большим коэффициентом вариации по сравнению с остальными микрополями (ср.: 12% к 7%).

Аудиторы отмечают, что ударный слог в обещании-зароке и клятве более интенсивный и расположен на более высоком уровне, вследствие чего фраза реализуется с большим интервалом падения тона, этим достигается контраст акцента. Другие ударные слоги, которые в нейтральной речи воспринимаются как мелодически немаркированные, в данных фразах становятся различимыми, напр.: *Und Sie finden einen großen Vorteil darin*, что подчеркивается еще и дополнительным удлинением долгих гласных.

Прагматически маркированным оказался также такой просодический параметр, как длительность затакта. Так, наименьшими усредненными показателями характеризуются фразы микрополя гарантия и обязательство (0,2–0,21 сек), наибольшие усредненные показатели выявлены для зарока и прогноза (0,44 сек). Резкое понижение высоты тона и динамика произнесения в затакте обусловлены в обещании-зароке его эмоциональностью и категоричностью. В обещание-прогнозе говорящий акцентно маркирует либо условие, при котором обещание будет выполнимо, либо темпоральное

указание.

Таким образом, в центре макрополя «собственно обещания» находятся такие микрополя, как «обещание-гарантия-заверение-ручательство», «обещание-прогноз» и «обязательство», а на периферии размещаются микрополя «обещание-зарок» и «обещание-клятва». Каждое микрополе характеризуется своим лексико-грамматическим и стилистическим наполнением.

Самыми частотными средствами в микрополе обещание-гарантия являются модальные слова, содержащие убежденность, перформативный глагол *versprechen* „обещать“, временные наречия такие, как *bald* „скоро“, *gleich* „сейчас“, *heute* „сегодня“, которые указывают адресату на то, что говорящий выполнит обещание в самом ближайшем будущем.

Для микрополя обещание-обязательство характерно использование перформативных глаголов *versprechen* „обещать“, *versichern* „уверять“, а также модальных слов *natürlich* „конечно“, *bestimmt* „определённо“, наречий времени – *morgen* „завтра“, *sofort* „немедленно“, *rechtzeitig* „своевременно“, которые указывают на то, что обещание будет выполнено в ближайшем будущем, сразу же.

В микрополе «обещание-прогноз» часто встречаются сложные предложения с придаточными времени и условия, а также наречия времени (частотными оказались след. „завтра“). Их отличие от темпоральных наречий, которые встречаются в других микрополях, заключается в том, что данные наречия также указывают на время выполнения обещания, но его реализация возможна только при исполнении или наличии определённого условия.

В микрополе «обещание-клятва» часто используется глагол *schwören* „клясться“, а перформативный глагол *versprechen* „обещать“ используется лишь спорадически. В примерах данного микрополя упоминаются также существительные с концептами *Leben* „жизнь“, *Familie* „семья“, *Kinder* „дети“ и др., и большинство предложений в данном микрополе по синтаксической структуре являются простыми.

Характерным для микрополя «обещание – зарок» является использование отрицания, с которым встречается наречие *mehr* – уже не, больше не, более не и частица *doch* „ведь, же, уж“.

Что касается временных форм, то в микрополях «обещание- зарок», «обещание-гарантия», «обещание-обязательство» будущее время преобладает над настоящим. В микрополе «обещание- прогноз» футуральный презенс используется чаще, чем будущее время.

Как показал проведённый эксперимент по опознанию письменных контекстов с промиссивами, их выявление достаточно сложно. Перформативная формула, будучи нечастотной, не всегда позволяет четко идентифицировать интенциональный тип, так как семантика понятий собственно обещания, клятвы, прогноза, заверения и обязательства очень схожа. Однозначным маркером может служить будущее время и

модальное слово *bestimmt* „определённо“.

Идентифицировать семантику интенций обещания в устной речи помогают воспринимаемые просодические характеристики, выступая для надежной дифференциации в комплексе. К ним относятся: направление движения мелодии в завершении, изменение движения мелодии на главноударном слоге, интенсивность звучания, темп.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль, Б.ЮГородецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов : сб. научн. ст. – М., 1986. – С. 170–194.
2. Филимонова, Е.В. Прототипическая картина класса комиссивов : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 01.04.2003 / Е.В. Филимонова. – Уфа, 2004. – 24 с.
3. Collins, S. Die Tribute von Panem. Flammender Zorn / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2011. – 206 s.
4. Collins, S. Die Tribute von Panem. Tödliche Spiele / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2009. – 200 s.
5. Kästner, E. Drei Männer im Schnee / E. Kästner. – Hamburg : Cecilie Dressler Verlag, 1998. – 99 s.
6. Collins, S. Die Tribute von Panem. Gefährliche Liebe / S. Collins. – Hamburg : Oetinger Verlag, 2010. – 253 s.
7. Галлямова, Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально–прагматический аспекты / Н.Ш. Галлямова // Язык и культура. – 2010. – № 3 – С. 16–32.
8. Толковый словарь. [Electronic resource]. Режим доступа : <http://tolkslovar.ru>. – Дата доступа : 23.09.2013.
9. Ananjan, W. Am Ufer des Sewan / W. Ananjan. – Zürich : Altrium Verlag, 1988. – 281 s.
10. Dahl, R. Der Zauberfinger / R. Dahl. – Zürich : Altrium Verlag, 1997. – 17 s.
11. Dahl, R. Hexen hexen / R. Dahl. – Zürich : Altrium Verlag, 1994. – 108 s.
12. Pressler, M. Bitterschokolade / M. Pressler. – Weinheim und Basel : Batz Verlag, 1980. – 174s.
13. Kästner, E. Emil und Detektive / E. Kästner. – Hamburg : Cecilie Dressler Verlag, 1994. – 137s.
14. Kästner, E. Der kleine Mann und der kleine Miss / E. Kästner. – Wien : Buchgemeinschaft Donauland, 1949. – 255 s. *wieder* „снова“, *morgen*